

Под мертвой корой формализма. -- "Человеку нужно не три аршина земли". -- Сквозь тонкое стекло

Я

перечел несколько рассказов Чехова, разбросанных по разным журналам. Какое яркое развитие таланта! Он стал глубокомысленным и при своей меланхолической простоте духовно-содержательным. Каждый рассказ занимает всего несколько страниц. Это наброски углем, где отчетливые контуры выступают на дымно-сером поле. Как истинно художественные создания, они требуют внимательного чтения: останавливаешься на каждом штрихе, ощущая под ним глубокую, важную, некричащую правду. Описания, сделанные мимолетно, как бы невзначай, с какой-то толстовской незатейливостью, органически сливаются с повествованием, -- кажется, будто они окутывают людей и их действия, как воздух, иногда ясный, иногда мглистый, иногда несущийся морозною вьюгой. Таких описаний нет ни у одного из новейших русских беллетристов. Вот когда Чехов окончательно вышел из "кустарного" искусства и сделался настоящим крупным явлением. Коротенькие рассказы его прочитываются в несколько минут, но овладевают мыслью и воображением на целые часы. По своему значению они совершенно заслоняют все объемистые, многословные и претенциозно-наблюдательные романы разных маститых беллетристов современности. Эти романы похожи на бесконечно длинные скирды сухой мертвой соломы, а маленькие поэтические произведения Чехова горят живым огнем. Сопоставишь их с мертвой соломой маститой беллетристики, и от нее остается только серый пепел -- словно ее подожгли спичкой. От рассказов Чехова, с самым простым содержанием, без всякой беллетристической интриги, струится какое-то едва уловимое тонкое веяние. Оно носится над рассказами, как душа их, скорбная, чуткая, прозревшая жизненную суету. Ничтожные картинки повседневной жизни, отдельные моменты несложных душевных движений приобретают многозначительность, потому что над ними простерт легкий покров вдохновенной мысли. Дочитываешь повествование с грустным серьезным настроением, -- кажешься сам себе умаленным, но безобидно умаленным среди серой правды человеческой жизни, бездонной и бескрайней. Какое развитие таланта в глубину, какое быстрое расширение внутреннего писательского кругозора!

"Человек в футляре", "Крыжовник" и "О любви" не только связаны между собою единством внутреннего настроения, но как бы вставлены в одну рамку: рассказы ведутся от лица трех приятелей, которые обмениваются в дружеской беседе своим житейским опытом. Учитель гимназии Буркин рассказывает свои воспоминания о другом учителе, Беликове. Это был странный человек, заглохший в одиночестве, с забитою и как бы напуганною душой. Он выходил на улицу не иначе, как в калошах и с зонтиком, вечно защищаясь от непогоды. Он рад был бы спрятаться в глухой футляр не только от внешних стихий, но и от самой жизни. Все неожиданное, мало-мальски нарушающее шаблон привычного серого существования, приводило его в трепет: он съеживался, негодовал, недоумевал, предчувствуя какие-то беды. В жизни его, однако, совершилось маленькое драматическое событие: он умудрился влюбиться в бойкую интеллигентную хохлушку и почти уже решился сделать ей предложение, как вдруг брат ее грубо спустил его с лестницы. Несчастный Беликов скатился вниз, прямо к ногам возвращавшейся домой хохлушки. Он не вынес этого потрясения и позора, слег в постель и через месяц умер. "Хоронили его, -- говорит Буркин, -- мы все, т. е. обе гимназии и семинария. Теперь, когда он лежал в гробу, выражение у него было кроткое, приятное, даже веселое, точно он был рад, что, наконец, его положили в футляр, из которого он уже никогда не выйдет. Да, он достиг своего идеала. И как бы в честь его во время похорон была пасмурная, дождливая погода, и все мы были в калошах и с зонтами".

Таково содержание этого небольшого эскиза. Несмотря на то, что главные черты его представляются несколько надуманными и самый образ человека в футляре сбивается на аллегорию, он производит глубокое впечатление. Можно сказать, что настроение автора -- унылое, но вдумчивое -- преобладает здесь над художественною живописью. За ним все время следишь и заражаешься им, потому что в нем есть глубокая лирическая правда. Всякая человеческая душа испытывает по временам горечь одиночества, оторванности от людей, почти вынужденной замкнутости, и вот почему даже этот ничтожный Беликов, трусливо послушный министерским циркулярам, кажется нам почти живым человеком. Чехов сумел пролить на эту уродливую, жалкую фигурку провинциального учителя мягкий